

Муретов М. Д. Очерки из новейшей истории экзегезы и критики Нового Завета: Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса»: (характеристика, изложение и критика) // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 2. С. 284–299 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эрнестъ Ренапъ и его жизньъ Иисуса.

II.

Изложение.

Свою „Жизнию Иисуса“ Ренапъ начинаетъ новое направление въ изученіи и построеніи Евангельской исторіи. До Ренана западно-европейская богословская наука знала три школы: положительную, отрицательную и среднюю, съ подраздѣленіями на старо-протестанскую, ново-ортодоксальную, рационалистическую, миѳологическую, ново-тюрингенскую и пр. Съ появленіемъ Ренаповой Жизни Иисуса народилось новое направление, которое надо назвать *художественно-историческимъ*. Сила и значеніе этого новаго направления доказыаается не только тѣмъ, что Ренапъ заставляетъ читать себя и что ученая слава взята имъ съ боя, но и тѣмъ, что онъ имѣетъ многочисленныхъ подражателей, каковы: *Страуссъ* (въ позднѣйшемъ народномъ изданіи своей Жизни Иисуса 1864 г.), *Шенкель*, *Гаусратъ*, *Кеймъ*, *Газе*, *Вейссъ*, *Бейнлагъ*, *Фарриръ*, *Дидонъ* и многіе другіе. Разница между Ренапомъ и многочисленными, иногда даже безсознательными и враждебно о немъ высказывающимися, подражателями его не въ основномъ, такъ сказать, тонѣ пониманія и изложенія Евангельской исторіи, а частію лишь въ окраскѣ теоретико-богословскихъ воззрѣній, главнымъ же образомъ—въ отсутствіи необходимаго при этомъ художественнаго таланта съ одной стороны, и въ сравнительной слабости усвоенія научныхъ матеріаловъ и ихъ переработки въ духовномъ организмѣ писателей съ другой стороны.

Такая особенность или оригинальность Ренаповой Жизни Иисуса сказывается рѣшительно во всемъ, отъ первой до послѣдней ея строки.

И прежде всего она выражается въ *назначеніи книги*. Свою Жизнь Иисуса Ренанъ посвящаетъ не въ честь какой-либо ученой знаменитости, не памяти незабвеннаго наставника, не высокоученому другу, не для школьныхъ споровъ или учено-литтературныхъ дебатовъ. Ренанъ посвящаетъ книгу: „чистой душѣ сестры своей Генріэтты“, а назначаетъ ее: смиреннымъ слугамъ и служительницамъ Бога, несущимъ бремя и трудъ дня, — этимъ истинно-святымъ первосвященникамъ, воздыхающимъ въ глубинѣ сердца отъ господства надмѣнныхъ саддукеевъ, — бѣднымъ женщинамъ, страждущимъ подъ тяжестью соціального быта, этимъ благочестивымъ и покорнымъ труженицамъ, — всѣмъ, кого любилъ Самъ Христосъ и называлъ Своими учениками, — дабы исторгнуть ихъ изъ тяжкихъ условій современнаго западно-европейскаго соціального быта, возвести ихъ къ истинной свободѣ и гуманности, приподнять для нихъ завѣсу б, дущаго блаженства и райскихъ радостей. Назначеніе, повидимому, вполне достойное и истаго ученаго и подлинной науки. Если средневѣковая ученость запералась въ каменныхъ стѣпахъ узкихъ монастырскихъ келлій, состоя изъ премудреныхъ тонкостей бесплодной діалектики, — если великій Эразмъ знаетъ одного богослова, которому девяти лѣтъ недостаточно для уразумѣнія того, что такое написалъ одинъ только Скоттъ въ предисловіи къ Петру Ломбардскому, и — другаго, по мнѣнію котораго у Скотта нельзя понять ни одного положенія, безъ предварительнаго заученія наизусть всей тогдашней метафизики, такъ что самоотверженному труженику науки перѣдко приходилось уносить съ собою въ могилу свои тайны философскаго камня и жизненнаго элексира, — если, вообще, отвлеченность отъ жизни и бесплодность для человѣчества могутъ считаться главнѣйшими признаками схоластики: то Ренанъ, какъ видимъ, старается вынести свою науку изъ тѣснаго кабинета, сдѣлать ее достояніемъ общечеловѣческаго сознанія и тѣмъ ускорить, хотя на минуту, наступленіе того блаженства свободы истины и добра, къ какому идеально предназначенъ человѣкъ. Противъ такого назна-

ченія книги ничего бы, конечно, нельзя сказать, напротивъ— надо бы отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, поскольку жизненность и дѣйствительность выводовъ мугутъ служить показателемъ того, что наука идетъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ приобрѣтенію истины, которая есть не иное что, какъ сама жизнь. Но вотъ вопросы: Христа или Антихриста проповѣдуетъ Ренанъ своимъ труженикамъ и работницамъ, этимъ якобы истиннымъ первосвященникамъ истинной религіи и неповиннымъ жертвамъ западно-европейскаго быта? Рай или адъ спѣшить онъ устроить для нихъ на землѣ своею Жизнію Иисуса? Блаженство ли правды Христовой— блаженство вселюбви, кротости, смиренія, милости, благодати, чистоты сердечной, страданія и терпѣнія — даетъ онъ этой меньшей братіи, страдающей подъ гнетомъ современнаго саддукейства, — или же муки извѣднаго злобу и завистию западно-европейскаго эгоизма, этой тупой и роковой борьбы за существованіе, этихъ новѣйшихъ, „зубъ за зубъ, око за око, голову за голову“? И вообще: Ренановъ „рай“ безъ Христа не есть ли только другое названіе „ада“?.....

Столь же своеобразенъ и *способъ составленія* Ренановой Жизни Иисуса. Не въ ученое кабинетъ какого-либо современнаго и матеріально обезпеченнаго профессора, съ усовершенствованною лампою, съ вентиляціею по послѣднему слову гигиены, на какомъ-либо ново-изобрѣтенномъ креслѣ, среди безконечныхъ полокъ со всевозможными справочными изданіями, — писалъ Ренанъ свою книгу. Кабинетомъ ему служила бѣдная хижина Маропита на высотахъ Ливана, откуда вмѣсто ландкарты предъ взоромъ ученаго развертывались тѣ, полныя святыхъ воспоминаній, мѣста, *идти же стоишь нозь Его*, гдѣ Онъ родился, воспитался, ходилъ, уча любви словомъ и дѣломъ, страдалъ..... Вмѣсто усовершенствованной лампы Ренану свѣтило солнце, — то самое солнце, на которое указывалъ Онъ, повелѣвая всѣмъ быть сынами Отца Небеснаго, — которое сіяетъ, безъ зависти и пристрастій, одинаково надъ добрыми какъ и надъ злыми, — которому былъ подобенъ ликъ Его, Преобразившагося, — которое затмилъ крестный подвигъ Безгрѣшнаго Страдальца... А свидѣтелями его думъ и вдохновителями были мѣсяцъ и звѣзды, мер-

цавшія на ночномъ небѣ Святой Земли и во время той страшной ночи, когда душа Его скорбѣла даже до смерти и тѣло Его источало капли кроваваго пота... Повѣйшія вентиляціи замѣнялись тѣмъ самымъ вѣтромъ, коего гласъ и дыханіе слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ онъ,—который бушевалъ нѣкогда на Галилейскомъ озерѣ, грозя потопить лодку апостоловъ, но былъ укрощенъ всеильною волею Его, — который наносилъ дожди и паводки, смывавшіе на зыбкомъ песку и наскоро построенныя хижины... Наконецъ библіотекою и первоисточникомъ учености Ренанъ имѣлъ свои, прежде добытыя имъ и уже ранѣе претворенныя по своему въ духовномъ организмѣ своемъ, свѣдѣнія по исторіи и географіи Святой Земли, по восточнымъ языкамъ,—знанія Библии, древнегреческой литературы и пр. и пр. Руководствомъ же при пользованіи этими источниками Ренану служили: непосредственное созерцаніе евангельскихъ мѣстностей, дышаніе воздухомъ Святой Земли, инстинктъ художника и Евангелія...

„Съ чтеніемъ текста, говоритъ Ренанъ, я могъ соединить великій источникъ свѣта—видъ мѣсть, гдѣ происходили событія. Я выходилъ евангельскую сторону во всёхъ мѣстахъ; я посѣтилъ Іерусалимъ, Хевронъ и Самарію; почти ни одна важная мѣстность исторіи Иисуса отъ меня не ускользнула. Вся эта исторія, которая, какъ казалось мнѣ издали, колебалась, плавая въ облакахъ призрачнаго міра, приняла тѣлесность и устойчивость, меня удивившія. Поразительное соотвѣтствіе между евангельскими текстами и мѣстностями Палестины, удивительное согласіе евангельскаго идеала съ географическою обстановкою, которая служила ему рамою, были для меня какъ бы нѣкоторымъ откровеніемъ. Я имѣлъ предъ глазами пятое евангеліе, хотя и состоящее изъ отрывковъ, но еще чѣткое, — и тогда, съвозъ рассказы Матвея и Марка, вмѣсто существа отвлеченнаго, о которомъ можно было говорить, что оно никогда не существовало,—я увидалъ удивительный образъ человѣческой, живой, движущейся. Во время лѣта, вынужденный подняться въ Хазиръ, на Ливанъ, чтобы немного отдохнуть, я кратко начерталъ образъ, который мнѣ открылся, изъ чего и получилась эта исторія. Книга, такимъ образомъ, была вся составлена въ самой близи тѣхъ мѣсть, гдѣ родился и развился Иисусъ: въ Маронитской избѣ, съ пятью—шестью книгами при себѣ“.

Такая необычайная обстановка составленія книги объясняетъ одну изъ тѣхъ ея особенностей, которая всего болѣе подвергалась нареканіямъ со стороны зоиловъ даже и либерально-отрицательнаго направленія. Разумѣемъ *блѣдность* внѣшняго аппарата *цитатъ*, такъ внушительно дѣйствующихъ на глаза читателя и обезпечивающихъ писа-

телю половину его ученой славы. Эта особенность часто вызывала пренебрежительно-надмѣнное, по скрытно-завистливое отношеніе къ *книжонкѣ французскаго популяризатора* со стороны многихъ, особенно нѣмецкихъ, бездарностей, полагающихъ величіе въ самоотверженномъ собраніи и высчитываніи чужихъ мыслей, за бѣдностью собственныхъ, и въ подыскиваніи безконечныхъ цитатъ и бесплодныхъ для науки литературно-архивныхъ справокъ. Не наше, конечно, дѣло спорить о вкусахъ, и притомъ частью даже народно-типичныхъ. Но можемъ замѣтить, что пестрота цитатъ и внѣшній объемъ, какъ это извѣстно каждому ученому, не суть подлинныя и не всегда надежныя свидѣтельства о трудѣ и учености. Вѣдь *писать* не то же, что *работать*; составить книгу легче, чѣмъ обработать вопросъ. И чѣмъ обширнѣе ученость писателя, тѣмъ для него труднѣе эта обработка, — тѣмъ легче внѣшнее нанизываніе разнообразныхъ и многочисленныхъ свѣдѣній. Ренанъ, въ этомъ отношеніи, могъ бы превзойти всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, писателей *Жизни Иисуса* съ либеральнымъ или даже отрицательнымъ направленіемъ. Всесторонне изучившій повѣйшую литературу — свѣтскую и богословскую, — глубокой знатокъ классиковъ, Библии, памятниковъ древне-іудейской письменности, — великій семитологъ и ориенталистъ — Ренанъ безъ особыхъ, конечно, усилій смогъ бы нагромоздить (какъ это онъ дѣлаетъ въ другихъ, много слабѣйшихъ, своихъ трудахъ по Новому Завѣту) не менѣе цитатъ, чѣмъ сколько находимъ ихъ, напримѣръ, у пресловутаго Кейма, далеко однакожъ не такого классика, не такого гебраиста и не такого историка, какъ Ренанъ.

Ренанъ писалъ свою *Жизнь Иисуса* безъ цитатъ. Десятковъ - другой встрѣчающихся у него ученыхъ ссылокъ (исключая цитаты изъ Новаго Завѣта, какъ не принадлежащія къ категоріи ученыхъ) не имѣютъ характера тѣхъ подстрочныхъ и безконечныхъ цѣпей учености, которыя могутъ сковать всякое воображеніе и съузить какой угодно широты полетъ живой мысли... Ренанова *Жизнь Иисуса* едвали бы что потеряла, если бы не имѣла и этихъ ссылокъ, — онѣ допущены имъ просто по школьной привычкѣ.

И однакожъ, на каждой строкѣ Ренановой книжки, за

каждымъ образомъ ея, въ каждой мысли — вездѣ стить и чувствуется глубокой знатокъ дѣла, не сравнимый ни съ Шенкелемъ, ни съ Гаусратомъ, ни съ Кеймомъ... Къ каждой картинкѣ, которыхъ такъ много разбросано по книгѣ,—къ каждой мелкой черточкѣ, къ каждому наитончайшему оттѣнку можно бы подставить многое множество историческихъ, филологическихъ и другихъ разныхъ примѣчаній, которыми такъ легко перекричать самую крикливую ученость любого нѣмецкаго *жизнеописателя Иисуса*... Причина понятна. Не съ пыльныхъ полокъ, заставленныхъ толстыми томами всевозможныхъ справочныхъ изданій, беретъ Ренанъ свою ученость, которая въ видѣ безконечныхъ примѣчаній подъ строками или въ концѣ книги, напоминаетъ нерѣдко известную острогу надъ плохимъ живописцемъ, начертившемъ подъ своею картиною: „се левъ, а не песъ“. Ренану не было пужды дѣлать такія подписи подъ своими многочисленными и живыми образами, ибо обычную, такъ сказать, ученую цитацію онъ уже ранѣе пережилъ въ себѣ самомъ, давно все переисслѣдовалъ и претворилъ въ свой духовный организмъ... Въ Маронитской хижинѣ на высотахъ Ливана онъ извлекалъ все это не въ сыромъ видѣ и не изъ книгъ, по уже въ собственной своей переработкѣ, изъ себя самого, изъ разстилавшейся предъ нимъ панорамы, изъ звучавшаго еще въ его ухахъ живаго отзвука древне-сирійскаго говора и пр. Ренанъ не справляется, не доказываетъ, не разсуждаетъ, не споритъ, не отбираетъ голоса ученыхъ судей, не сцѣпляетъ одинъ авторитетъ съ другимъ, онъ, если угодно, даже, повидимому, и не пишетъ: онъ какъ бы просто видитъ, слышитъ, знаетъ, говоритъ, показываетъ. Ученою сокровищницею Ренана, когда онъ бросалъ на бумагу свою *Жизнь Иисуса*, были не книга, не архивъ, не надпись или развалина. То былъ уже онъ самъ, ибо наука для Ренана не мертвая схоластика, не аргументъ, не диспутъ; это— сама жизнь, созерцаніе, убѣжденіе...

Итакъ: всѣ условія, какъ внутреннія такъ и внѣшнія, при которыхъ работалъ Ренанъ надъ своею *Жизнію Иисуса*, содѣйствовали тому, чтобы изъ этого труда вышло выдающееся и своеобразное твореніе нашей эпохи, — чтобы въ этомъ произведеніи полно и ярко отразился учено-литературный геній Западной Европы девятнадцатаго вѣка, и

особенно — духъ французскаго народа. Ренанъ, какъ самъ онъ говоритъ, писалъ свою *Жизнь Иисуса* по внушенію своего собственнаго духа, находившигося подъ обаяніемъ генія туземно-палестинскаго, историко-географическаго и этнографическаго.

Но вотъ вопросъ: какой это геній — добрый или злой? Когда Ренанъ при яркомъ освѣщеніи восточнаго солнца бросалъ на бумагу первыя очерки своей *Жизни Иисуса*, — когда съ высотъ Ливана онъ дѣлалъ ученныя справки въ разстилавшейся подъ взорами его живой ландкартѣ, — когда онъ изнутри себя извлекалъ ученую кровь и художественную плоть для рожденныхъ его воображеніемъ образовъ и созданныхъ его умомъ идей, повѣряя ихъ женственному инстинкту сестры своей Генріэтты: тогда кто руководилъ его ученымъ перомъ и двигалъ его художественною кистью? Божественный ли то Духъ и Добрый Ангелъ Земли Святой, или же геній злой европейскаго безвѣрія, тщеславія, эгоизма, — и недобрый демонъ, царящій нынѣ надъ запустѣлою страшною меда и молока?...

Отвѣтъ, хотя пока еще и видѣ слабого отзвука, намъ слышится уже въ отношеніи Ренана къ обще-теоретическимъ богословско-философскимъ вопросамъ *о Богѣ и чудѣ*. Ренана нельзя назвать ни пантеистомъ, ни деистомъ, ни теистомъ. Всѣ эти системы Ренанъ считаетъ мертвою схоластикою, способною будто бы только убивать природную религіозность въ человѣкѣ. Человѣкъ, по Ренану, не можетъ сознать или представлять Бога въ формѣ какой бы то ни было опредѣленности. Нельзя назвать Бога ни личностью, ни духомъ, ни силою, ни разумомъ или идеею и под. Все это — только антропоморфическія, человѣко-подобныя, а не Бого-сообразныя представленія, которыя не только не объемлютъ Верховное Существо и не выражаютъ Его природы, но наоборотъ — ограничиваютъ Бога и понижаютъ Его до уподобленія человѣку. Богъ, по Ренану, данъ человѣку въ религіозномъ инстинктѣ, заставляющемъ человѣка ощущать свое единеніе съ Божествомъ, сознать Его присутствіе въ своемъ духѣ, въ полевой былинкѣ, въ таинственномъ шопотѣ лѣса, въ грозныхъ явленіяхъ природы. Богъ есть обще-міровая стихія, которою живетъ человѣкъ также безсознательно и инстинктивно, какъ воздухомъ, свѣ-

томъ и пр. Всякія дальнѣйшія опредѣленія Божества Ренанъ считаетъ незаконными, ибо они переносятъ религію съ родной ея почвы инстинкта въ чуждую ей область разсудочности. Не смотря на то, Ренанъ не отрекается безусловно отъ живаго Бога, хотя и не проявляющагося въ наблюдаемомъ нами міръ, но возможнаго въ безконечности, какъ будто мыслимо тутъ какое-либо существенное различіе. Ренанъ не желаетъ отказаться отъ Бога—Отца и отъ сладостнаго къ Нему чувства, пробуждающагося при словѣ отецъ. Онъ находитъ въ любви наилучшее доказательство Бога. Онъ не желаетъ безусловно отрицать и возможность безсмертія души, даже страшнаго суда, хотя этого и нельзя доказать такъ, какъ могутъ быть доказываемы положенія естественныхъ наукъ. Правда, отсутствіе противорѣчій у человѣка Ренанъ считалъ признакомъ бѣдности его духовной жизни, ибо всякая жизнь слагается изъ противорѣчій,—но указанныя разнорѣчія въ сужденіяхъ о Богѣ даютъ видѣть, что Ренанъ не былъ способенъ дать себѣ ясный отчетъ и всесторонне раскрыть идею Божества въ отношеніи къ человѣческому сердцу и уму. Если, съ одной стороны, Ренанъ отнѣживается отъ пантеизма и деизма,—если, съ другой, онъ не отрицается отъ Бога—Отца, отъ Бога Любви, отъ безсмертія души и, даже, отъ страшнаго суда: то что же онъ такое, какъ не безсознательный или несамоопредѣлившійся религіозный теистъ,—тотъ самый бретонецъ, коего вѣрѣ онъ завидовалъ на краю могилы? Можетъ быть, только слабость философской рефлексіи и уже чрезъ чуръ большая нелюбовь къ безпокойствамъ отнимали у Ренана охоту противиться новѣйшимъ моднымъ вѣтрамъ всякихъ лжеученій...

Съ такою же неопредѣленностью и чисто французскою легкостью относится Ренанъ *къ чуду и вообще къ сверхъестественной сторонѣ исторіи*. Напрасно стали бы мы искать у него обстоятельнаго раскрытія вопроса о возможности или невозможности чуда, точнаго опредѣленія понятій сверхъестественнаго и естественнаго, ближайшаго уясненія нравственной силы въ исторіи народовъ и человѣчества. Пусть, говоритъ Ренанъ, чудо возможно, но ни одно изъ чудесъ доселѣ будто бы не доказано научнымъ путемъ, и чудеса вообще не принимаются въ науку.

Ни одно изъ чудесъ, которыми переполнены старинныя исторіи не совершалось въ условіяхъ научныхъ. Наблюденіе, доселѣ не опровергнутое, убѣждаетъ насъ, что чудеса бывають только тогда и тамъ, когда и гдѣ имъ вѣрять, и предъ людьми, расположенными имъ вѣрить. (Далѣе увидимъ, что такъ это и быть должно). Ни одно чудо не совершено предъ собраніемъ людей, способныхъ удостовѣрить чудесный характеръ событія (ниже раскроемъ: почему это). Ни простолюдины, ни обыкновенные люди съ свѣтскимъ образованіемъ не правоспособны быть тутъ судьями. Большая нужды для этого предосторожности и продолжительный требуется навыкъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. И если ни одно изъ современныхъ (разумеются ложныя чудеса или шарлатанство, которыя только и могутъ подлежать воображаемому Ренаномъ ученому испытанію чудесъ) не выдерживаетъ испытанія, то не вѣроятно ли, что чудеса прошлаго времени, которыя всѣ совершались въ народныхъ собраніяхъ, если бы можно было подвергнуть ихъ подобной критикѣ, доставили бы намъ также свою долю миража? Итакъ не во имя какой либо философіи, но во имя постоянного опыта мы изговяемъ чудо изъ исторіи. Не говоримъ: „чудо не возможно“, но говоримъ: „доселѣ не было доказаннаго чуда“ (ниже увидимъ: почему это такъ). Пусть, къ примѣру, завтра появится чудотворецъ и объявитъ, что онъ можетъ воскресить мертвеца. Что надо дѣлать? Составить комиссію изъ физиологовъ, физиковъ, химиковъ, опытныхъ въ исторической критикѣ лицъ. Эта комиссія выберетъ трупъ, удостовѣритъ дѣйствительность смерти, назначитъ залу для совершения опыта, опредѣлитъ всю систему предосторожностей, для исключенія всякаго повода къ какому либо сомнѣнію. Если бы при такихъ условіяхъ воскрешеніе совершилось, то получила бы вѣроятность, почти равная достовѣрности. Но такъ какъ всякій опытъ долженъ имѣть возможность повторяться и возобновляться, то чудотворца пригласить вновь показать свою чудотворную силу при другихъ обстоятельствахъ, надъ другими трунами, въ другой средѣ. Если бы каждый разъ чудо удавалось, то были бы доказаны два положенія: первое—что въ мірѣ могутъ совершаться сверхъестественныя дѣла; второе—что сила ихъ производить принадлежитъ или сообщается только нѣкоторымъ лицамъ. (И третье — что это уже было бы не чудо, а обычное явленіе; Ренанъ ставитъ невозможныя условія, противорѣчашія, какъ увидимъ, понятію чуда). Но кто же не видитъ, что чудо никогда не совершалось въ такихъ именно условіяхъ; что доселѣ чудотворецъ всегда самъ выбиралъ предметъ опыта, среду, публику; что впрочемъ, всего чаще, самъ царь, вѣлѣдствіе непреодолимой потребности видѣть въ великихъ событіяхъ и въ великихъ людяхъ нѣчто божественное, уже потому создалъ исполненныя чудесъ легенды? Итакъ, до новаго порядка вещей мы будемъ держаться того принципа исторической критики, что сверхъестественный разсказъ не можетъ быть допускаемъ какъ такой, что на обязанности историка лежитъ истолковать разсказъ и отыскать, какую долю правды и какую долю заблужденія онъ можетъ заключать въ себѣ. (Но никто еще и никогда, какъ увидимъ, не смогъ доказать, что настоящій порядокъ и законы бытія исключаютъ возможность чуда въ исторіи міра и челоуѣчества.

Столь же своеобразное положеніе занимает Ренанъ и въ отношеніи къ *источникамъ евангельской исторіи* какъ въ дальнѣйшемъ такъ и въ ближайшемъ смыслѣ. Въ общемъ Ренанъ относится къ нимъ скорѣе положительно, чѣмъ отрицательно.

Обильно пользуется онъ всѣми доселѣ извѣстными источниками въ дальнѣйшемъ смыслѣ, какъ то: 1., *Филономъ*—особенно для восстановленія и пониманія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Іудеевъ евангельской эпохи; 2., *Иосифомъ*, котораго отрывки объ Иисусѣ Христѣ, Іоаннѣ Крестителѣ, Іудѣ Галилеянинѣ (Гавлонитянинѣ) Ренанъ считаетъ подлинными, включая небольшой христіанской вставки въ свидѣтельствѣ о Христѣ,— котораго (Іосифа) твореніями Ренанъ широко пользуется для всесторонняго освѣщенія эпохи, — благодаря которымъ Иродъ, Иродіада; Антипа, Филиппъ, Анна, Каіафа, Пилать всѣ эти евангельскія личности выступаютъ предъ нами такъ живо и реально, что ихъ можно какъ бы осязать; 3., *Апокрифами Ветхозавѣтными*, особенно іудейскими отрывками Сивилиннихъ книгъ и книги Еноха—для восстановленія мессіанскихъ воззрѣній; 4., *Талмудомъ*, котораго многія мѣста могутъ служить превосходнымъ комментариемъ евангельскаго текста, древними таргумами и переводами, Мидрашами и пр.

Такъ же мало занимаетъ Ренана вѣковой и для протестантизма роковой вопросъ о *подлинности источниковъ жизни Господа* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. *Каноническихъ Евангелій*. Въ общемъ Ренанъ признаетъ повѣствованія евангелистовъ достовѣрными и подлинно-апостольскими, хотя надписанія „по Маттею, по Марку, по Лукѣ, по Іоанну“ будто бы не предполагаютъ самостоятельнаго участія упоминаемыхъ тутъ лицъ въ писаніи Евангелій, но что эти надписи указываютъ только на первоначальный устный источникъ cadaго Евангелія или на предаіе того или другаго Апостола, записанное потомъ ихъ учениками. Такимъ образомъ наши Евангелія имѣютъ высокій авторитетъ, такъ какъ возводятъ насъ къ полустолѣтію только послѣ евангельской эпохи и, въ двухъ случаяхъ, (Маттея и Іоанна) даже къ свидѣтелямъ-очевидцамъ Христа.

Въ частности, относительно Евангелія по Лукѣ сомнѣнія почти невозможны. Это—сочиненіе упорядоченное, основанное на предшествовавшихъ ему документахъ; это—произведеніе челоѣка, который выбираетъ, сокращаетъ, составляетъ. Если бы это и не былъ даже св. Лука, ученикъ и спутникъ св. Павла, что однакожъ остается недоказаннымъ: то и тогда это—важный источникъ, какъ произведеніе челоѣка второй генерации апостольской (ученикъ апостольскій). Такимъ образомъ мы имѣемъ тутъ твердую почву, ибо это Евангеліе написано все цѣликомъ одною рукою и

представляетъ полное единство. Евангелія Маттея и Марка почти совѣмъ не имѣютъ индивидуальнаго отпечатка. Это—безличныя произведенія, гдѣ писатель совѣмъ исчезаетъ. Въ общемъ это—подлинныя писанія, поскольку въ нихъ вошли, засвидѣтельствованныя Паліемъ, „изрѣченія (*τὰ λόγια*) Господа, записанныя Маттеемъ на арамейскомъ языкѣ“ и „безъ порядка изложенныя Маркомъ слова и дѣла Господа (*ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα*), по воспоминаніямъ проповѣди Ап. Петра“. Но эти первичныя и подлинно-апостольскія записи, какъ онѣ имѣются въ нашихъ синоитикахъ, представляютъ уже вторичную обработку, сдѣланную въ цѣляхъ восполненія одного источника другими. Наконецъ, наше четвертое Евангеліе, въ его теперешней редакціи, Ренанъ хотя и относитъ ко второй половинѣ втораго вѣка, но онъ находитъ въ немъ многочисленныя слѣды подлинно-апостольскихъ преданій и достовѣрныхъ воспоминаній очевидца. Исключеніе сдѣлано только для рѣчей Господа, такъ что, если сынъ Зеведея дѣйствительно написалъ это Евангеліе, то, говоритъ Ренанъ, онъ, ниша рѣчи Господа, навѣрно забылъ Галилейское озеро и восхитительныя бесѣды, которымъ внималъ на его берегахъ.

Итакъ, въ общемъ, говорить Ренанъ, я принимаю за подлинныя всѣ четыре каноническія Евангелія. Всѣ они, по моему, восходятъ къ первому вѣку, и въ извѣстномъ смыслѣ принадлежать тѣмъ лицамъ, коимъ усвоятся, хотя ихъ историческая значимость весьма различна. Первое Евангеліе преимуществуетъ предъ другими въ отношеніи рѣчей и бесѣдъ Господа; второе — въ отношеніи событій евангельскихъ и дѣлъ Господа; въ третьемъ уже замѣчается искусственность, рефлексія, сочиненіе писателя второй генераціи; четвертое, за исключеніемъ рѣчей и бесѣдъ Господа, содержитъ точныя воспоминанія очевидца.....

Но это отнюдь не значить, чтобы Ренанъ признавалъ полную историческую достовѣрность за нашими Евангеліями; ибо рассказъ очевидца, по нему, еще не есть непререкаемое речательство за безусловную точность и достовѣрность повѣствованія.

Предположимъ, говоритъ Ренанъ, что, десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, три или четыре старые солдата имперіи взяли бы написать жизнь Наполеона, каждый отдѣльно, по своимъ воспоминаніямъ. (Эта аналогія тутъ не можетъ имѣть силы, ибо Наполеонъ I для солдатъ и Христосъ для апостоловъ суть вѣчто несравнимое). Несомнѣнно, что рассказы ихъ заключали бы многочисленныя ошибки, сильныя противорѣчія. (Во 1-хъ, никакой *научной* несомнѣнности тутъ нѣтъ, — а во 2-хъ, ошибки и противорѣчія не суть еще непререкаемые признаки недостовѣрности, ибо въ рассказахъ простыхъ людей и очевидцевъ онѣ большею частію зависятъ отъ самихъ ученыхъ изслѣдователей ихъ). Одинъ изъ нихъ помѣстилъ бы Ваграмъ прежде Маренго; другой написалъ бы безъ всякихъ оговорокъ, что Наполеонъ изгналъ изъ Тюльери правительство Робеспьера; третій опустилъ бы самые важные походы. (Во 1-хъ, все это суть „бы“; во 2-хъ, каждый написалъ бы то и такъ, что онъ видѣлъ и какъ понималъ и помнилъ; и въ 3-хъ, Ваграмъ прежде Маренго или опущеніе важныхъ походовъ не

суть гарантіи исторической недостоверности, но только требуют исторической критики для воспроизведенія исторической правды). Одно навѣрно получилось бы съ высокою степенью правдивости изъ этихъ наивныхъ разсказовъ, это—характеръ героя, впечатлѣніе его на окружающую среду. (Впечатлѣніе это также могло быть и было различно до противоположности, что однакожь не свидѣтельствуетъ о недостоверности повѣствованій съ точки зрѣнія этихъ противоположныхъ впечатлѣній, но опять только предполагаетъ необходимость исторической критики). Въ этомъ смыслѣ такія популярныя исторіи стоятъ болѣе чѣмъ исторія официальная. Это можно сказать и о евангеліяхъ. Заботясь единственно о томъ, чтобы яснѣе поставить на видъ превосходство Учителя, Его чудеса, Его ученіе, евангелисты оказываютъ полное равнодушіе ко всему тому, что не есть сама душа Иисуса. Противорѣчія относительно временъ, мѣстъ, лицъ считались неважными, и заботились лишь объ одномъ — ничего не опускать изъ того, что они знали. Къ этимъ воспоминаніямъ должна была примѣшаться нѣкоторая доля предубѣжденій и произвольныхъ идей, повлиявшихъ на составленіе новыхъ или же на измѣненіе прежнихъ разсказовъ. Иисусъ былъ бы единственнымъ явленіемъ въ исторіи (таковъ и есть Христосъ Богочеловѣкъ, и сужденіе Ренана основано на одной изъ произвольныхъ идей), еслибы при томъ значеніи, какое имѣлъ для окружающихъ Его послѣдователей, Онъ не былъ бы вскорѣ преобразованъ. Легенда объ Александрѣ Македонскомъ народилась прежде чѣмъ исчезло поколѣніе его соратниковъ. Мнѣ о Францискѣ Ассизскомъ составилъ при его жизни. Также и разказы о чудесахъ Христа ходили въ народѣ при Его жизни и среди Его послѣдователей; а послѣ смерти, Его жизнь подверглась вліянію идеальной легенды, т. е. обработкѣ съ точки зрѣнія вѣры Его послѣдователей. Смерть усвершаетъ челоуѣка самого совершеннаго; она дѣлаетъ его безъ недостатковъ для тѣхъ, кто Его любилъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ желаніемъ сохранить образъ Учителя, дѣйствовало и желаніе *доказать* Его Божественное и мессіанское посланничество, почему многое явилось исполненіемъ ветхозавѣтно-мессіанскихъ пророчествъ и под. (Все это только доказываетъ необходимость вострожайшей исторической критики, и ничего болѣе).

Въ этомъ отношеніи наши евангелія, по Ренану, раздѣляютъ участь всѣхъ источниковъ древней исторіи. Можно сказать, что между анекдотами, бесѣдами, знаменитыми изрѣченіями, передаваемыми у историковъ и лѣтописцевъ, нѣтъ ни одного подлиннаго въ строгомъ смыслѣ слова. (Отъ евангелійской исторіи въ этомъ отношеніи несправедливо требовать больше того, что требуется отъ исторіи свѣтской). Были ли тутъ стенографы для увѣковѣченія этихъ словъ? Присутствовалъ ли тутъ всегда лѣтописецъ для замѣчанія жестовъ, поступи, чувствъ дѣйствовавшихъ лицъ? (Какъ будто стенографія болѣе вѣрное ручательство точности, чѣмъ челоуѣческая память). Попробуйте доискаться правды (всѣ эти разсужденія Ренана, какъ увидимъ, основаны на невыясненности: что такое историческая правда? Правда, по нашему, и есть то, что и какъ написано у Евангелистовъ) въ томъ, какъ совершалось какое-либо современное намъ событіе. Это не удастся. Два разсказа объ одномъ и томъ

же событіи, составленные свидѣтелями-очевидцами, существенно будутъ различаться.

Должно ли изъ-за этого отказываться отъ всякихъ красокъ въ повѣствованіяхъ и ограничиваться сухимъ перечисленіемъ событій? Это было бы уничтоженіемъ исторіи. Вѣдь опуская все подобное въ евангеліяхъ, пришлось бы всю исторію Иисуса ограничить словами Іосифа и Тацита: „Онъ былъ преданъ на смерть приказомъ Пилата по навѣтамъ священниковъ“. Но это была бы неточность гораздо хуже той, какой подвергаются, допуская въ свой разсказъ частности историческихъ документовъ.

Наши евангелія въ общемъ, по Ренану, суть подлинныя произведенія и содержатъ достовѣрныя свѣдѣнія, но неполныя, сбивчивыя, разнорѣчивыя и даже, отчасти, легендарныя. Придираясь къ этому и ударяясь въ одностороннее критиканство, одни думаютъ, что въ нашихъ евангеліяхъ невозможно доискаться до дѣйствительно-историческаго зерна и все сплошь объявляютъ въ нихъ невѣрнымъ и миеологическимъ (Страуссъ и миеологисты). Но подъ руководствомъ такого начала придется выкинуть за бортъ науки едва ли не всю вообще исторію и отказаться отъ всякихъ попытокъ научно-систематическаго построенія исторіи,—тогда вадю будетъ подвергнуть сомнѣнію всё, считавшіеся доселѣ найдостовѣрнѣйшими, документами. Другіе (ново-тубингенская и филологическая школы) напрягаютъ все стараніе свое на то, чтобы выдѣлить изъ евангельскихъ повѣствованій одно только несомнѣнно историческое и могущее выдержать всё нападки современнаго скептицизма, всё испытанія научной критики. Но въ такомъ случаѣ получаютъ какіе-то бездушные обломки и безцвѣтныя клочки исторіи, въ которыхъ живая личность Основателя Христіанства отражается уродливымъ образомъ. Что осталось бы отъ Александра Македонскаго, если бы въ исторіи его жизни ограничиться только несомнѣнно или матеріально достовѣрнымъ? Какая смѣшная и жалкая карриатура вышла бы изъ Жанны-д'Аркъ, если изъ ея исторіи выбросить всё, официально и по всёмъ правиламъ научнаго пендантизма не удостовѣренныя подробности? Тоже самое должно сказать и о Евангеліяхъ.

Наши Евангелія, по Ренану, хотя и могутъ быть неистинны въ частностяхъ и по буквѣ, но они истинны высшею истиною,—они болѣе истинны, чѣмъ голая истина, въ томъ смыслѣ, что они суть истина, ставшая выразительною и говорящею, поднявшеюся до высоты идеи. Отсюда, задача представлять живо (*revivre*) высокія души прошлаго предполагаетъ въ историкѣ извѣстную долю художественнаго творчества и поэтическаго вдохновенія. Великая жизнь есть органическое цѣлое, которое нельзя воспроизвести механическимъ скучиваніемъ мелкихъ фактовъ. Одно глубокое чувство должно охватывать все твореніе и давать ему единство. Художественный тактъ (*La raison d'art*) здѣсь есть наилучшій руководитель. Геній Гёте нашелъ бы тутъ примѣненіе себѣ. Существенное условіе художественныхъ

произведеній состоитъ въ томъ, чтобы образовать живую систему, которой всѣ части взаимно предполагаютъ себя и управляютъ одна другою. Въ исторіяхъ такого рода главнымъ признакомъ истины служитъ стройность сочетанія датъ, такъ чтобы получался рассказъ логическій, правдивый, безъ всякихъ странностей (? ou rien ne détonne). Внутренніе законы жизни, развитія организмовъ, постепенности отгѣпковъ должны руководить историкомъ ежминутно. Въдѣ дѣло тутъ идетъ не о передачѣ событія во всѣхъ подробностяхъ, коихъ невозможно провѣрить,—но о томъ, чтобы уловить самую душу исторіи, постигнуть ея высшій и дѣйствительный смыслъ, ея идею. Здѣсь важно не опредѣленіе достовѣрности въ каждой мелочи, но справедливость общаго пониманія и вѣрность общаго цвѣта. Каждая черта, которая выходитъ изъ правилъ классическаго повѣствованія, требуетъ большой осторожности, ибо рассказываемое событіе было живымъ, естественнымъ, стройнымъ. Если не удастся сдѣлать событіе такимъ посредствомъ рассказа, такъ это навѣрно потому, что оно не вполне понято и не хорошо видно. Предположимъ, что кто-либо, реставрируя Фидіеву Минерву по текстамъ, воспроизвелъ бы въ цѣломъ нѣчто сухое, грубое, искусственное; что слѣдовало бы заключить отсюда? Только одно: для пониманія и изясненія текстовъ требуется гений художника. Тексты могутъ быть сбивчивы, противорѣчивы, скучены—художественный инстинктъ историка долженъ умѣть ихъ разъединять, сравнивать и сближать дотолѣ, пока они не сочетаются между собою въ одно цѣлое, собирающее всѣ даты въ одинъ живой, нераздѣльный и органически-цѣлостный образъ. Даты могутъ быть отрывочны, неполны—инстинктъ художника подскажетъ ему, гдѣ и что надо добавить, дабы организмъ вышелъ цѣльный, законченный, стройный.

Однако же можно ли, спрашиваетъ Ренанъ, быть увѣреннымъ въ томъ, что, и при такомъ художественно-стройномъ воспроизведеніи евангельской исторіи, мы получимъ вѣрный черта въ черту образъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Ренанъ; но во всякомъ случаѣ не будетъ, по крайней мѣрѣ, карикатуры,—получится выраженіе общаго духа генія и одинъ изъ тѣхъ наглядныхъ образовъ, который онъ могъ имѣть въ дѣйствительности.

Итакъ, Ренанъ не есть только ученой экзегетъ, сухой аналитикъ и толкователь въ смыслѣ школьномъ; онъ—художникъ, синтетикъ и историкъ. Для него важно не то, что, когда, гдѣ, кому и пр. сказалъ или совершилъ Христосъ, и чего онъ будто бы не могъ говорить и сдѣлать. Ренанъ ставитъ своєю задачею: вновь оживить или возстановить съ художественною пагидностію тотъ безцвѣтно-мертвый трупъ, какимъ содѣлалось Евангеліе подъ ножемъ анатомическаго анализа нѣмецкой критики,—евангельскую исторію, витающую въ туманѣ нѣмецкихъ отвлеченностей, приблизить къ читателю и вмѣсто существа обстрактнаго, никогда не существовавшаго, поставить предъ его взоромъ восхитительный образъ живой и дѣйствительной личности Основателя христіанства. Напрасно, поэтому, стали бы мы искать у Ренана какихъ-нибудь остроумныхъ анализовъ евангельскаго текста, хитросплетенныхъ вѣроятностей, неожиданныхъ умозаключеній, оригинальныхъ объясненій, чѣмъ всеѣмъ обычно преизобилуютъ разныя нѣмецкія трактати. Оригинальность и значеніе Ренана—именно въ научно-художественномъ постиженіи евангельской исторіи,—въ задачѣ, до Ренановой Жизни Иисуса никогда и никѣмъ такъ ясно не сознававшейся и не ставившейся въ отношеніи къ евангельской исторіи; и послѣ Ренановой Жизни Иисуса, не смотря на многочисленныхъ и по учюности сильныхъ подражателей, до днесь никѣмъ (конечно за отсутствіемъ необходимыхъ тутъ не только огромной учюности, но и столь же большаго таланта) не осуществленной дажо и съ приблизительно равнымъ Ренану мастерствомъ.

Уже давно замѣчено, что Ренанова Жизнь Иисуса отражаетъ на себѣ вліяніе новѣйшихъ романовъ,—этихъ законныхъ чадъ древне-европейской схоластики. Говоримъ объ искусственныхъ и потому схоластичныхъ эффектахъ разнаго рода. Такъ и въ Ренановой Жизни Иисуса основа художественной ткани состоитъ изъ искусственно-отгѣненныхъ противоположностей. Заброшенный въ горахъ, но прелестный уголокъ Палестины Назаретъ,—маленькое, но очаровательное море Геннисаретское,—роскошная Галилея—это съ одной стороны. А съ другой: сухая и безплодная Іудея съ ея угрюмыми и мертвыми скалами,—непривѣтливая и эгоистично-унылая столица страны—Іерусалимъ,

застроенный великолѣпными дворцами торгашей, жившихъ на счетъ богомольцевъ, — весь заполоненный надмѣнными аристократами саддукеями и лицемѣрными пустосвятами фарисеями, — эта столица во вкусѣ азіатскихъ базаровъ, представлявшая полную противоположность съ простотою и естественнымъ изящствомъ деревенской Галилси. Наивный, кроткій, довѣрчивый, радостно и любовно настроенный галилейскій рыбарь или земледѣлецъ, — и мрачные эгоисты съ сердцами, изъѣденными молью зависти и источенными ржавчиною лжи, эти практическіе нигилисты и невѣры, по внѣшне благоприличные, важные, относящіеся къ всему съ презрительною холодностію, хранители ключей храма, закона, царства Израилева, — эти владыки душъ и тѣлесъ тогдашняго Еврея, ханжи, совопросники и схоластики фарисеи. Идиллія въ началѣ евангельской исторіи и трагедія въ концѣ. Веселая свадьба въ галилейской деревнѣ и кровавый крестъ на Голгоѣѣ. Кроткій, проповѣдующій блаженство вѣры, падежды и любви, вселюбящій и всемилющій Иисусъ первыхъ дней, постепенно превращающійся въ грознаго вѣстника о страшномъ днѣ судномъ и въ суроваго обличителя нечестивыхъ заповилъ іудаизма — послѣднихъ дней.

За исключеніемъ этой послѣдней, какъ совершенно романтической небылицы во вкусѣ Виктора Гюга и притомъ взятой, по сознанію самого Ренана, не изъ Евангелій, а изъ Корана (sic?), — всѣ остальные противоположности смягчаютъ свою искусственную эффе́ктность тѣмъ, что основаны на глубокомъ знакомствѣ Ренана съ дѣйствительностію географическою, этнографическою и историческою.

М. Муретовъ.
